

18+

Когда в городе становится тихо

Миронов Сергей

Сергей Миронов

Когда в городе становится тихо

«Издательские решения»

Миронов С.

Когда в городе становится тихо / С. Миронов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517041-5

Эта книга о том, как в одном большом городе вдруг стало тихо. И снова запели птицы, зашелестели весенней листвой каштаны, а фантазии переплелись с реальностью. Да так тесно, что уж и не поймешь, где начинается одно, а где заканчивается другое...

ISBN 978-5-00-517041-5

© Миронов С.
© Издательские решения

Когда в городе становится тихо

Сергей Миронов

© Сергей Миронов, 2020

ISBN 978-5-0051-7041-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Есть что-то зловещее в том, чтобы писать книгу, когда вокруг умирает столько людей. Впрочем, люди умирают постоянно, да и тем, кто выживет, когда-нибудь обязательно захочется вспомнить... прошлое? А что, если прошлого и вовсе нет? Что, если мы все выдумали? Мы все выдумали...

Эта история произошла со мной в ту весну, когда волею судьбы и летучей мыши, невзирая на чудесную погоду и многолетнюю привычку пить кофе в кофейне, а пиво в баре, все мы были принуждены проводить время дома, предпочтительно в полном одиночестве, а уж там как пойдет.

Я заселился в небольшую старомодную квартирку в начале марта месяца. Какая-то старушка почилла в бозе, и ее детишки поспешили пустить в работу свалившийся на голову нехитрый капиталец, поскорее сдав жилплощадь. Построенный еще при царе дом был скромным, аскетичным, имел высокие потолки и беспардонно маленькие комнаты. Мои окна выходили на заброшенный трехэтажный доходный дом из желтого кирпича, который стоял на красной линии улицы Гоголевская. Рядом раскинулся камерный парк со старыми деревьями, круглый год полнившийся криками ребятишек; старинная больница, излучающая покой и умиротворение; на холме, под кронами дубов и елок, пряталась обсерватория, а по соседству – несколько красивых старинных зданий. Это был изумительный пятачок, на котором каким-то чудом сохранилась атмосфера старого города.

Трехкомнатная квартира располагалась на втором этаже и была обставлена в лучших традициях совка. Все свободное место в ней занимали мебель и ковры. При малейшем движении воздуха ажурные потолочные светильники щекотали нервы перестуком хрусталя, а эхо от любого звука с большой радостью хозяйничало на побеленных много лет назад высоченных потолках. Старый паркет-елочка дивно скрипел при каждом шаге, деревянные серванты ушедших эпох пахли тонким горьковатым ароматом советской лакокрасочной промышленности, многочисленные книжные полки беспрестанно пылили, а чудесным образом сохранившийся Кузнецовский фарфор, которым я позволил себе пользоваться, просвечивался в лучах весеннего солнца. Раздельные санузлы-колодцы и синяя чугунная эмалированная ванна совершенно не располагали к покупке современных итальянских шампуней и дорогого марсельского мыла, в них куда органичнее смотрелось 72% хозяйственное да отечественный зубной порошок, а круглосуточно набирающий воду в бачок унитаз с мягким розовым сидением ну никак не вязался с белоснежной трехслойной заграничной бумагой, отчего я принципиально покупал серо-коричневую «обуховскую», благоухающую древесной пульпой и бедностью. Все это создавало неповторимую атмосферу старости, и единственным изменением, которое я себе позволил произвести, была замена тусклых желтых ламп накаливая, которые вызывали во мне непреодолимое желание уснуть.

Затхлая узкая спальная не понравилась мне с самого начала, и за все время я заходил в нее всего несколько раз. А вот гостиная, самая большая комната, в которой стоял вполне приличный диван и имелся выход на небольшой, к сожалению, застекленный балкон; как-то сразу пришлась по душе. Никакого интернета, разумеется, в квартире не было, зато на тум-

бочке у входа имелся красный дисковый телефон, который время от времени издавал до одури неприятные звуки, а также старый телевизор, показывавший только отечественные каналы. Сложно сказать, за что я полюбил эту квартиру. Видимо, причина в том, что ей было присуще обаяние старого мещанского Киева – до ужаса простоватое и безнадежно устаревшее.

Подозрительно теплая зима только-только перетекла в вялую весну. Трава принялась старательно пробивать себе дорогу сквозь твердую сухую землю. Почки набухали прямо на глазах. Люди проводили все больше времени на улице, кошки готовились начать кричать, а муниципальные службы по озеленению – бороться с озеленением, нещадно избавляясь от старых деревьев и высаживая вместо них молодые, но уже в меньшем количестве. В те первые дни марта все словно зависло в ожидании: природа – тепла, а люди – тепла и новостей с фронта борьбы с коронавирусом. В этой атмосфере я и вселился на Гоголевскую, решив круто изменить свою жизнь и попытать силы в литературе. И хотя более неуместного времени, как мне иногда кажется, выбрать было нельзя, на самом деле я безумно рад всему тому, что приключилось со мной в ту странную карантинную весну.

Маленькая Поля проснулась от того, что ее личико щекотали теплые лучи майского солнца. Открыв глаза, она улыбнулась, потянулась, одела на себя ситцевое платьице, висевшее на спинке стула, и направилась напрямиком на кухню, откуда доносились голоса мамы и тети Клаши, а также звук шипящего масла и запах самой вкусной вещи на свете – маминых сырников.

Поля осторожно выглянула из-за угла: мама увлеченно переворачивала творожные лепешки на большой чугунной сковородке. Девочка хитро улыбнулась и, стараясь не наступать на самые скрипучие половые доски, вышла на лестничную площадку. Быстро перебирая ножками, она поднялась на третий этаж, очень осторожно вошла в общий коридор коммунальной квартиры номер шесть и подкралась к высокой зеленой двери, отворив которую оказалась в небольшой светлой комнате, где у стены стояло красивое черное пианино. Малышка приподняла крышку и со всей силы принялась лупить по клавишам до тех пор, пока из соседней комнаты не раздался крик: «Ну что за несносная девчонка!» Полина взвизгнула и хохоча побежала вниз. Между вторым и третьим этажами она чуть не сбила старика Уховского, который с трудом поднял свое исхудавшее тело на два с половиной пролета. Ему оставалось всего одиннадцать ступенек, когда девчонка выскочила навстречу. В последний момент он успел убрать сетку с молоком и кефиром, за которым, собственно, и ходил. Бутылки грозно звякнули, но благо все обошлось.

Сдерживая смех, Поля приблизилась к кухне – мама все еще возилась с сырниками и, кажется, ее не заметила. Тетя Клаша, увидев малышку, улыбнулась, но Полина подала ей знак, приставив палец к губам. Громко хлопнув чаем, женщина заговорщически подмигнула и принялась наблюдать за тем, как девчущка крадется к ничего не подозревавшей матери.

Своей непосредственностью Поля давно завоевала всеобщую любовь. В ней сочеталась удивительная шаловливость, обаятельная наглость и обворожительная улыбка, кажется, никогда не сходящая с ее милого детского личика, о котором так часто говорили – вылитая копия матери. Мама у Поли была красавица. Высокая, стройная, примерно двадцати семи лет, с шикарными светлыми волосами и потрясающе красивой длинной шеей, гордо возвышавшейся над широкими худощавыми плечами. Она относилась к той категории женщин, с которыми мужчины боятся заговорить.

Девочка почти вплотную подступила к маме и уже собралась схватить родительницу за ногу, когда та внезапно обернулась, крепко прижала дочку к себе и сказала: «А кто у меня соня?» Малышка нарочито обиженным голосом вскрикнула: «Я не Соня, я Поля!» После чего заглянула в сковородку: «М-м-м... Сырники!»

Мама спросила, имеет ли Поля какое-то отношение к жутким звукам пианино, которые разбудили всю округу, и девочка ответила, что это получилось случайно. Мама недовольно

покачала головой и сказала, что после завтрака Полина должна пойти и извиниться, а сейчас – марш чистить зубы и умываться, но малышка невинным голосом возразила, что ванная с раннего утра занята дядей Сашей. «Пока не умоешься, никаких сырников ты не получишь!» — прозвучал строгий ответ. Девчушка для проформы повозмушалась, после чего, сделав вид, что ужасно расстроилась, топая босыми ногами, направилась в комнату – за щеткой и зубным порошком. Тетя Клаша, громко хлопнув, отпила из чашки и сказала: «Что можно каждое утро так долго делать в ванной комнате? Это же просто уму непостижимо!», но, не получив ответа, вернулась к горячему кислому чаю, втягивать который с громким звуком ей очень нравилось, нравилось без особых на то причин.

Поля вернулась на кухню с лазерной баночкой порошка и щеткой, пожелтевшие щетинки которой торчали в разные стороны. С грохотом подтянув табуретку к умывальнику, малышка забралась на нее и открыла кран, который сердито шикнул, и из него вырвался поток воздуха и брызг, да так неожиданно, что Поля взвизгнула. Она подставила щетку под струйку воды, затем окунула ее в порошок, аккуратно поднесла к носику, скривилась от резкого мятного запаха, осторожно прислонила ее к зубам и принялась водить вверх и вниз.

Обе женщины умиленно наблюдали за процессом. Они настолько увлеклись этим зрелищем, что тетя Клаша сделала глоток чая, забыв громко хлопнуть, а Полина мама упустила из виду сырники, которые прихватились с одной стороны. Когда сковородка зашипела, мама подскочила, Клаша воскликнула: «Бог ты мой!», а Поля заорала: «Пожар!» – и помчалась относить ненавистные щетку и порошок.

Утро было в самом разгаре. Где-то негромко играло радио, со двора доносились хлесткие удары костяшек домино и периодические возгласы: «Рыба!», «Козел!», «Да сколько же можно, Безе! Имейте, в конце концов, совесть!» В соседнем доме залаяла собака по кличке Рубин – метис овчарки и черт знает кого еще. Дядя Саша, благоухающий одеколоном, наконец-то выбрался из ванной. Насвистывая «Команда молодости нашей», он заглянул в кухню и с умным видом сказал: «А у вас что-то сгорело», но получив едкий ответ: «А то мы не заметили!» – направился к себе.

Дом гудел. Он гудел голосами – сиплыми и звонкими, молодыми и зрелыми; он гудел звуками шагов – босых ног, ног в домашниках с твердыми резиновыми подошвами отечественных обувных фабрик и мягких каучуковых подошв домашников фабрик иностранных. Он гудел потоками воды, смываемой в раковинах и унитазах. Он гудел старой проводкой в тканевой оплетке. Он гудел обычной киевской жизнью.

Кто-то собирался на работу. Кто-то уже давно не работал. Кто-то не работал никогда. Это был вполне себе обычный дом, состоявший из коммунальных квартир и жильцов разной степени образованности, которых вместе свели условия социалистического быта – условия неоднозначные, с чрезмерно большим количеством общего и явным недостатком частного, но быта неизменно веселого и нетривиального.

В первые дни марта я часто гулял по оживленным окрестностям, наблюдал за людьми в парке и детьми, гонявшими мяч на школьном стадионе. Казалось, жизнь шла своим привычным весенним чередом, тем не менее в воздухе отчетливо ощущалось напряжение. Конечно, власти старательно убеждали нас в том, что все хорошо и страна ко всему готова, однако в прессе регулярно всплывала противоречивая информация, да и по ночному городу стало ездить больше скорых. У больниц появились одинокие патрульные машины, с каждым днем их количество увеличивалось, а через некоторое время горожане обнаружили, что едва ли не все входы в госпитали оцеплены людьми в форме. Все это лишь усилило и без того тревожное состояние киевлян.

Утро четырнадцатого марта выдалось предельно тихим. Казалось, вот-вот должен был пойти сравнительно теплый весенний дождь. В небе кружило взволнованное непогодой воронье, а старый дом напротив скрипел под тяжестью резких порывов ветра – предвестников

надвигающейся бури. Сидя на подоконнике, я пил кофе и листал старый альбом, посвященный Дрезденской галерее, который откопал на одной из книжных полок. Осмотрев очередной шедевр, коих в этой галерее было на редкость много, я делал глоток кофе и томным взглядом окидывал улицу в поисках чего-нибудь поинтереснее, чем очередное полотно старого мастера.

Когда к парадному подкатило такси, и кофе, и каталог подошли к концу. Из авто показалась девушка в светло-коричневом пальто. Длинные русые волосы были собраны в аккуратный пучок, а лицо закрывал респиратор и темные очки. Это и был первый раз, когда я увидел ее...

Приятное тепло. Приятное тепло и ощущение уюта. Нитки такие твердые, что я могу почувствовать каждую ворсинку, проникнуть в это сплошное, связанное между собой полотно и почувствовать что-то вроде... счастья? Я всегда трогала ткани. Тактильные ощущения от прикосновения к хорошей материи с раннего детства доставляли мне огромное удовольствие. Это целый мир – мир тканей. В каждой из них есть что-то особенное и уникальное.

Хорошие ткани стали теперь редкостью. Словно их разучились делать. Иной раз принесут мне какой-нибудь велюр из магазина, я к нему прикоснусь – и работать не хочется. Не живая это ткань. А вот пальто старое – совсем другое дело. Подкладка шелковая, роговые пуговицы, а шерсть – шерсть в палец толщиной! Не пальто, а сказка! И я несколько дней присматриваюсь к нему, трогаю, одеваю – все понять пытаюсь, что из него можно сделать. Вечером читать усядусь – и себе на плечи его наброшу. А спать пойду – повешу пальто на стул рядом с кроватью, руку в карман засуну, так и сплю. А утром просыпаюсь и уже знаю – юбка будет, длинная, в гармошку. А из подкладки – блузка. И закипела работа. Застучал мой «Билефельд».

От работы со старыми вещами я получаю огромное удовольствие. Вторую жизнь им даю, да с тканью новой знакомлюсь. А когда подкладку снимаю, то под ней можно и маркировочку какую-нибудь усмотреть, а то и целую бирку обнаружить. Ее я аккуратно срезаю и вместе с образцом материи откладываю в специальную шкатулку – там у меня все ткани сохранены, с которыми я дело имела. Много уже их собралось. Очень много.

Это тоже хорошая ткань. Не самая, пожалуй, лучшая, какую мне доводилось видеть, но хорошая. Вместо ярлыка, что правда, на ней чернильное клеймо с цифрами, и решительно непонятно, кто производитель. Обидно.

Ткань хорошая, спору нет, но вот сапоги... Такой мягкой кожи я, пожалуй, не видела! Как будто живая! Мягче, чем у девушки, которая кремы в «ТэЖэ» покупает и на ночь ими мажется. Удивительно мягкая кожа...

Все шло к тому, что правительство рано или поздно будет вынуждено принять меры, что и случилось семнадцатого числа, когда объявили о закрытии границ и, главное, киевского метро. Несколько дней в городе творился настоящий кошмар: пробки, толпы обозленных людей, драки за места в автобусах... Отголоски бурной жизни окраин добрались даже до нашего райского уголка, и по утрам я нередко лицезрел, как из одной легковой машины выходило по пять, а то и шесть человек. Злоба и агрессия, и так бывшие через край, достигли предела. В какой-то момент мне начало казаться, что все на грани массовых беспорядков, но день сменялся новым днем, а людей на улицах становилось все меньше. И вдруг город опустел. Я почувствовал это одним утром, когда сидел у окна и обратил внимание на дивную тишину. Киев, наконец-то, успокоился.

Едва затих город, пробудился мой домашний телефон, который начал исступленно звонить. Настырно, грубо, разрушая робкую тишину моей жизни ужасным старомодным звонком. На третий день я не выдержал и, подняв трубку, грубо крикнул: «Вам чего?» Скрипучий голос попросил Татьяну Михайловну, и я автоматически ответил: «Вы не туда попали». Но когда раздался новый звонок, я понял, что попали туда...

Я всегда думал, что сообщать о смерти близкого будет намного сложнее, и никак не ожидал, что такие скорбные новости можно принять настолько спокойно. Это было не безразличие, а самое настоящее спокойствие. Старая подруга Татьяны Михайловны не охала, не рыдала

в трубку, а лишь сделала длинную паузу и сказала: «Как жаль». Это произвело на меня такое впечатление, что всю последующую неделю я смиренно пояснял всем дозвонившимся, что Татьяны Михайловны больше нет.

В скором времени количество звонков начало сокращаться. Я даже стал скучать по своей нехитрой работенке, так что когда после некоторого затишья зазвонил телефон, я побежал в коридор и с большой радостью схватил трубку. Это была одна из знакомых Татьяны Михайловны. Она уже знала о случившемся и желала выяснить, при каких обстоятельствах умерла подруга. Старуха была очень удивлена тем, что я не смог ответить на этот вопрос. Тем не менее распрощались мы друзьями, и в самом конце разговора она спросила, не буду ли я против, если время от времени она будет мне звонить. Разумеется, я не возражал.

Бедные! Им, наверное, чрезвычайно больно! И одиноко! Я бы очень хотела им чем-то помочь! Увы, эти маленькие презентики вряд ли облегчат их страдания. Надеюсь, хотя бы на мгновение им сделается приятно. Я бы, конечно, подарила кое-что другое, однако директор настояла на том, что подарки у всех должны быть одинаковыми. Впрочем, я положу в корзинку несколько конфет от Семадени. Шоколадные конфеты – это так вкусно! Я бы обрадовалась, подари мне кто-то шоколадные конфеты. Уж тем более от Семадени.

Между прочим, я на них неделю копила, ведь мама отказалась выделить на подарок целый копей. Дело, конечно, вовсе не в деньгах. Просто она считает, что нужно следовать правилам и быть как все. Но я не могу не положить конфет, просто не могу! Ведь это будет так приятно...

Всю неделю я отказывала себе в удовольствиях. Даже не поехала с подружками на трамвае в Пуца-Водицу – а ведь это наша давнишняя традиция! Каждую субботу мы с ними покупаем конфеты и сухое варенье и отправляемся гулять за город. Девочки очень расстроились. Они уговаривали изменить решение, и мне даже пришлось сказать, что я плохо себя чувствую. На лодке я с ними, кстати, тоже не поплыла. Между тем они замечательно провели время в «Эрмитаже». Играли в салки и теннис, а потом познакомились с двумя очень изящными кадетами и до сумерек развлекались с ними в фанты. Дома им здорово влетело от родителей за слишком позднее возвращение, но это не помешало уговориться о свидании в следующую среду. Мальчики даже друзей обещали взять. Ну, в следующую среду я, конечно, с ними поплыву...

Да и вообще, пора бы мне с мамой поговорить! Девочкам давно уже по рублю в день выделяют, а мне как маленькой – все еще полтинник. А ведь так хочется после занятий конфет или варенья, хочется в кинозал сходить – а билеты-то нынче дорогие! Вот и остается на бутылочку воды от Нанетти да конфету от Семадени. А конфетой разве наешься? Да от нее же только желание сильнее становится. Одну лучше вообще не кушать. Нужно минимум три, чтобы хоть как-то насытиться. Проверено. А конфеты, между прочим, теперь по двухгривенному! Нет, решительно невозможно жить на сумму меньше рубля в день! У Жоржа крем-брюле теперь по пятьдесят копеек! А разве его можно без кофе или хотя бы чаю? Никак. А потом непременно требуется минеральной воды употребить, ведь пить жутко хочется. Словом, рубль – это минимум. Нет, нужно срочно поговорить с мамой.

Хочется чего-то нового! Новое платье заказать и туфельки в пассаже присмотреть. У меня совсем нечего надеть, а лето-то уже на носу! Я еще ни одной новой вещи в этом году не купила! Позор! Даже шляпки все безнадежно устарели. Говорят, новая коллекция в «Норме» превзошла все ожидания. Мол, такого в Киеве еще не видели! После таких слов мне даже в магазин заходить страшно! Разве есть в мире что-то красивее хорошего шляпного бутика? Вот и о покупках с мамой тоже поговорить нужно...

А оценки-то у меня в этом полугодии ухудшились! Ну не могу я заставить себя учить так много всего. Если бы нам позволили выбирать предметы – вот тогда бы все было иначе. Но нет, мы вынуждены учить все и сразу. Как говорит наша директор: каждая уважающая себя девушка должна знать всего понемногу и уметь поддержать любую беседу. Это, конечно,

правильно, но скука-то все равно смертная! Впрочем, у нас еще далеко не худший вариант. Слышала, что в одном из училищ даже линейкой по пальцам бьют! Вот ужас! Не выучил урок французского, потому что голова болела, а тебя за это линейкой! Каменный век! Так что у нас еще все очень даже хорошо. И папа с мамой у меня совсем не строгие. Вот только на пятьдесят копеек нынче ну никак не протянуть...

Пока весь мир боролся с вирусом, а наши сограждане за места в автобусах, я без зазрения совести радовался каждому дню без привычного шума улиц, запаха выхлопных газов, мельтешащих авто и бесконечного потока людей. В неспешно-ленивом темпоритме карантинной жизни я узнал город своего детства – умиротворенный и безлюдный. До карантина я и представить себе не мог, насколько на самом деле соскучился по тишине и покою.

И я наслаждался покоем, посиживая в парке в гордом одиночестве. Я бродил по центральным улочкам и слушал пение птиц, шелест постепенно появлявшейся на деревьях листвы и гулкие шаги редких прохожих. Я ощущал давно забытое чувство интимной близости с городом и самим собой. Я получал огромное удовольствие – удовольствие, которое не думал когда-нибудь почувствовать снова.

Тем не менее вихрь драматических событий в некотором роде коснулся и меня. Никогда прежде я не читал новости так часто и внимательно. Не то чтобы я верил во все, что писали, просто ситуация достигла такого масштаба, что не обращать на нее внимания было просто невозможно. Каждый день я следил за развитием событий, и в скором времени мои затяжные дневные прогулки сами собой начали сокращаться в пользу прогулок ночных. Дни я стал проводить на широком подоконнике или на балконе, читая книги из любезно оставленной мне библиотеки и выпивая неимоверное количество кофе. Конечно, я продолжал гулять по окрестным улочкам и посещать парк – я не мог отказать себе в этом удовольствии.

В одну из таких вылазок я сидел на лавочке. Тот день выдался особенно тихим. В скверике было очень мало людей – лишь несколько мамочек с колясками, пара собачников да неугомонные дети, лязгавшие качелями на площадке. Я наблюдал за округой, погружившись в удивительно умиротворенное состояние праздности и бездумья. Солнышко, пробивавшееся сквозь не успевшие загустеть листвой кроны деревьев, приятно грело мне спину. Веки постепенно наполнялись тяжестью, а взгляд бездумно блуждал по сторонам до тех пор, пока на балконе последнего этажа дома напротив я не увидел седовласую старуху, которая мечтательно глядела куда-то вдаль. На соседнем балконе стояла еще одна, а двумя этажами ниже старик, одетый в пиджак и кепку «аэродром», бросал крупные куски темного хлеба голубям. Все эти пожилые люди остались дома из-за карантина...

Пожалуй, тогда я впервые почувствовал некоторую вину за то, что позволял себе выходить без серьезной на то причины. Изменило ли это что-то? Разумеется, нет. Впрочем, с того дня чувство легкого дискомфорта преследовало меня каждый раз, когда я отправлялся на променады.

Скрип. Дым. Воркование голубей. Шелест листвы. Аромат яблони. Едва слышное постукивание крышки чайника. Нужно успеть до того, как свисток разбудит всю квартиру. Я желаю побыть одна. Этим утром. Я желаю пить кофе и курить на балконе, пока все спят. На захламенном длинном балконе желаю я курить и пить кофе одна.

Да, я хорошо помню тот день. Я сидела в парке – девятиклассница в белой блузке, с косичками и рыжим портфелем. После школы я предложила подруге погулять, но она отказалась. Я пошла в парк одна, ведь там цвела сирень, магнолии, яблони и вишня. Мне хотелось раствориться в майских ароматах. Вероятно, если бы со мной пошла подружка, все сложилось иначе, но она не пошла. Я хорошо помню тот майский день.

Я сидела в парке, в пустом парке, в который пришла после уроков. Я училась в девятом классе, в самой обычной киевской школе, где в нас назидательно впахивали чрезмерное количество не очень-то нужных в жизни знаний. По скверику ты шел уверенно, не глядя по сторо-

нам, с огромной спортивной сумкой, которая при каждом шаге била тебя по бедру. Ты шел медленно, вальяжно, вперевалку. Ты был высоким, выше меня, хотя на построении я всегда стояла первой.

...Клаша. Встала сегодня раньше обычного. Видать, услышала, что я вожусь на кухне, и поспешила сюда. Сейчас усядется в углу и начнет громко хлюпать своим чаем. Поразительно, сколько жидкости может уместиться в человеке!

Доброе утро. Хорошо спалось. Чайник только закипел. Садитесь, конечно. Что делаю? Делаю сырники. У дочки сегодня что-то вроде праздника. Какого? Это личное. Семейное...

Да, оставьте и мне немного кипятка. Я с радостью выпью еще кофе. Чаю? Нет, спасибо. Я лучше кофе. Вредно? Все вредно. Если употреблять сверх меры. А для меня это лишь вторая чашка кофе за сегодня. Первую я выпила, когда все еще спали...

Я залью кипятком кофе, перемолотый в пыль соседской кофемолкой, сверху на чашку поставлю блюдце – чтобы лучше заварился, а сама выйду на балкон и закурю. Я много курю. И много пью кофе. Но тогда я не курила. И кофе пробовала всего несколько раз, да и то остатки на дне материнской чашки, которые никак нельзя было выпить без того, чтобы с последними каплями в рот не попала колючая гуша. От этой вязкой жидкости становилось противно. Тогда, в последней четверти девятого класса, я не понимала прелести этого напитка. Он казался мне горьким. Слишком уж горьким для того, чтобы получать от него удовольствие. Много с тех пор изменилось.

Я не сопротивлялась. Не потому, что мне было страшно, не потому, что хотелось. Мне было все равно. Ты вел себя со мной не так, как другие, и мне было глубоко безразлично, чем все закончится, ведь в тот момент мне было хорошо. Даже мое сердце билось как обычно – ровно и спокойно. Даже губы не дрогнули, когда ты прикоснулся к ним своими, а потом я ощутила твой язык, который медленно раздвигал мои сжатые губы. Как оказалось, они были сжаты недостаточно крепко. И в тот момент, когда наши языки соприкоснулись, ничего во мне не дрогнуло.

Что вы говорите, монпансье? Нет, спасибо. Поем с Полей сырников. Она, знаете ли, любит их очень и очень. Быть может, сильнее всего любит она сырники. Разве что мороженое любит она больше, но кто из детей не любит мороженое, скажите, пожалуйста? Чай? Любит ли она... чай? Я не знаю. Пожалуй, Поля полюбит что угодно, если туда положить сахару. Так что и чай, если в него ложки эдак три положить, любит. Она у меня сладкоежка. Как и я в ее возрасте. Да, собственно, я и сейчас ею остаюсь. Не желаю ли я сахару? Нет, благодарю. Кофе я предпочитаю пить без ничего. Я люблю кофейную горечь. Теперь...

День сменялся новым днем. Погода стояла чудная – на небе ни облачка. Весна выдалась очень сухой – едва ли за все время несколько раз шел дождь. Притихшие улицы постепенно становились чище, а вот люди, наоборот, нервничали все сильнее. Больше горожан напяливали на себя маски и с потухшими взглядами бродили по городу – многие без работы, кое-кто не временно. В какой-то момент в магазинах начала ощущаться нехватка продуктов питания, но с этим довольно быстро справились, и исчезнувшая было гречка снова появилась в продаже. Правда, по более высокой цене.

Вообще цены росли. Понемногу, почти незаметно, так, что только к концу очередной недели становилось понятно, что на привычный набор продуктов теперь нужно больше денег. Быть может, и по этой причине патрульных в городе стало больше обычного. Один раз, шутки ради, я принялся убежать от полицейской машины. Шутка, ради которой все и задумывалось, не удалась – после того как я свернул в подворотню, полисмены как ни в чем ни бывало поехали дальше. Это было в самом начале карантина. На второй или третий день после ужесточения условий пребывания на улице...

Славься! Что мы здесь делаем? Что делаю здесь я? Почему именно тут? Как мы оказались так далеко от дома? Я так далеко от дома... Славься! Сын простого конторского клерка. Что привело меня в этот далекий и странный край?

Я играл на валторне в школьном оркестре. И бегал быстрее всех в городе – маленьком городе, в нескольких километрах от моря. В нем я играл на валторне и бегал. В нем же посещал секцию бокса. Бегал я лучше всех, но в игре на валторне не преуспел. Да и дрался хуже многих. Если быть точным, то из двенадцати боев я проиграл два. Это были быстрые бои, и проигрывал я быстро. Соперники не были быстрее меня, но они были тяжелее. А сила – это масса, умноженная на скорость. Когда те два быстрых боя оканчивались, в моей голове играла валторна. Как правило, Вагнер. Славься.

«Славься!» – кричали мне, когда я проигрывал. «Славься!» – кричали, когда я бежал. «Славься!» – кричали, когда я отбивал сюда.

Отец не кричал мне «Славься!» Обычный конторский клерк – светловолосый мужчина с потертым портфелем, в рубашке с коротким рукавом, в фетровой шляпе и начищенных тупоносых туфлях. Он не кричал, когда я побеждал всех в беге, когда играл на валторне и даже тогда, когда был бит в нечестном бою с более тяжелыми соперниками. Не кричал отец и в тот день, когда я отбивал сюда с вокзала ближайшего большого города...

Вагнер. Когда я полюбил Вагнера? Когда впервые услышал его? Мать всегда любила Вагнера. Это она убедила отца, что я должен заниматься музыкой. Она говорила, что мне непременно будут кричать из зала «Славься!» Что для меня это будет единственная возможность стать человеком, которому из зала кричат «Славься!» Она очень хотела, чтобы было именно так. Чтобы меня интересовала только валторна. И больше ничего...

Отец. Он, как всегда, промолчал. Видимо, уже тогда он понимал, что мне не хватит таланта стать тем, кому из зала кричат «Славься!» Он промолчал. И молчал еще пять лет. Семь лет. Восемь лет. Он молчал. А я неистово и непоколебимо дул в валторну. Восемь лет. Но мне очень редко кричали из зала «Славься!» Гораздо чаще кричали мне «Славься!», когда я обгонял всех в городе, гораздо громче кричали, когда я проигрывал бой. Хотя, быть может, кричали и не мне, а тому мускулистому парню из гимназии, что был старше меня на два года и тяжелее на добрых двадцать кило. Возможно, это ему кричали «Славься!» за то, что он ударил меня в висок, потом в живот, потом по затылку, и уж затем в пах. Быть может, это ему кричали «Славься!», когда рефери отсчитывал секунды, и секунды выходили у него гораздо быстрее, чем должны были. Быть может, кричали тому парню, а может, и рефери, секунды у которого заканчивались процентов на тридцать быстрее. Пожалуй, это ему кричали «Славься!», ведь он управлял временем. В его руках, в его силах было растягивать и сжимать это время так, как он считал нужным. И он считал нужным укорачивать секунды на целых 30%, пока я, лежа на полу, пытался прийти в себя от тупой боли, последовавшей за той примечательной серией: висок-живот-пах-затылок. За это ему и кричали «Славься!» Да.

Вагнер. Когда я впервые услышал его? Когда я стал собой, в достаточной степени собой, чтобы слышать Вагнера? Когда я стал собой? Стал ли я собой? «Славься!» – кричали Вагнеру. Он давно уже умер, но ему продолжают кричать «Славься!» так нарочито и часто, что даже если бы он был жив – а умер он уже давно, – вряд ли ему бы стали кричать «Славься!» чаще.

Вагнер. Я услышал его впервые в утробе матери. Мать всегда его любила. Так сильно, что готова была пожертвовать своим единственным ребенком, лишь бы сделать из меня того, кому из зала кричат «Славься!» Она слушала «Тангейзер» еще до того, как я стал собой. К слову, а когда я стал собой?

Она слушала Вагнера и в тот дождливый день, один из последних в октябре, когда отец прибыл домой, имея три дня в запасе перед тем, как необходимо будет вернуться назад. И те три дня они гуляли по осеннему лесу, слушали Вагнера и помогали мне стать мной – в лесу, в спальне и даже в ванной. В лесу Вагнер не звучал, но в спальне его музыка властвовала

над другими звуками – над монотонным скрипом пружин, над прерывистым звуком дыхания и над едва различимым «хлюп-хлюп-хлюп». И хотя в ванной власть Вагнера заметно ослабевала, хотя патефон играл тихо, а толстые каменные стены дома оставались такими же крепкими, как и две сотни лет тому назад, когда их возвели, хотя звук «хлюп-хлюп-хлюп» был куда громче, Вагнер отчетливо звучал и там. Меня зачали под Вагнера. Я почти посвятил ему жизнь. И только «Славься!» спасло меня. Оно задало новый вектор моей жизни. И не только моей. И вот я тут. И это новый вектор? Славься!

Иногда мне не хватает «лесного рога». Иногда мне хочется взять в руки холодную медную трубу и вспомнить Вагнера, вспомнить те времена, когда я был ребенком и просто бегал, просто дрался, просто дул. Быть может, только тогда я и был собой. Когда играл Вагнера, Штрауса и Моцарта, когда в коротких шортах бежал наперегонки с другими мальчишками, когда лежал на полу и смотрел за тем, как быстро могут выходить секунды. Пожалуй, именно тогда я впервые ощутил, что время может идти очень быстро и тратить его попусту глупо. Что я тут делаю? Что делаем тут мы? Что?

Чай уже остыл. Сегодня хороший теплый день. Главное, чтобы не пошел дождь. Кричать «Славься!» под дождем цинично. Особенно под чужим дождем. Чай уже остыл. Он стал густым и терпким. Чай настолько крепок, что после него захочется, непременно захочется пить. Крепкий черный остывший чай. После него захочется пить. И есть. Не сразу, но через какое-то время после такого крепкого терпкого чая определенно захочется есть. Это произойдет тогда, когда я буду кричать «Славься!»

Вероятнее всего, я буду кричать «Славься!» под дождем. И уж, конечно, я буду голоден. Все офицеры будут голодными и будут кричать «Славься!» Быть может, и не все. Пожалуй, не все офицеры будут голодными. Но все будут кричать «Славься!» Кому-то наверняка хватило ума не пить перед выходом чертовски крепкий чай – вот они и не будут голодными. Нет, пожалуй, не все будут голодными. Но все будут кричать «Славься!»

Славься, Дарья! Снова ты превзошла себя. Снова ты привела одежду в такое состояние, словно я только что забрал ее из приемки большого города, ближайшего большого города к моему маленькому, что расположился в плодородной долине в нескольких километрах от моря. Как же я скучаю по морю! Что мы тут делаем, если тут даже моря нет? Что делаем мы так далеко от дома, от родного буйного ветреного моря, с песчаными отмелями и моллюсками, которые изо всех сил пытаются угнаться за отливом; с красивыми светловолосыми девушками, что иногда встречаются в дюнах у воды. Тут нет таких девушек. Тут они совсем другие. Тут нет таких дюн. И моря тут нет. Что делаем мы в месте, где нет моря, песчаных отмелей и красивых светловолосых короткостриженных девушек?

Дарья. Она снова сделала все хорошо, слишком хорошо. Для врагов так не делают. Так хорошо не делают за защиту, за спасибо и даже за еду. Раз врагам так хорошо не делают, значит, Дарье мы не враги. Я точно ей не враг. В сапогах я различаю свое отражение – и это маленькое чудо. Славься, Дарья! И мои сапоги. Мои высокие сапоги из мягкой кожи, с металлическими набойками и войлочными стельками, в которых я прошел сотни километров. Славься!

Вагнер наконец-то стих, и это хорошая новость. Иногда нужно отдыхать от музыки. Особенно от Вагнера. В «Нибелунгах» великолепная партия валторны. Иногда мне хочется взять инструмент в руки и играть. Штрауса. Моцарта. Вагнера. Иногда я думаю о том, как было бы хорошо, если бы мне кричали «Славься!» из зала. Тогда все было бы иначе. Я был бы ответственным только за себя, инструмент и звук, который из него вырывается. За то, как звучит Вагнер. И больше никакой ответственности – только за звук. И все бы кричали «Славься!», и жизнь была бы проще. Но я тут. И я не припомню, когда в последний раз держал в руках валторну...

Как бы я ни старался избегать людных мест, время от времени мне приходилось выбираться в магазин. В один из таких походов у входа в супермаркет я увидел старушку, с большим

трудом спускавшуюся по гранитным ступеням. Она была опрятно, но бедно одета, в трогательной маске, которую пошла себе сама. Еле передвигая худыми ногами, опираясь на старомодную тросточку, она ползла вниз с тряпичной сумкой в руках и казалась такой хрупкой, такой беззащитной. Давно уже я перестал обращать внимание на пожилых людей, робкая старость которых жалобно растворялась в городской суете. Видимо, я обратил внимание на бабушку из-за того, что обычно переполненный людьми центр из-за карантина опустел, и я заметил то, что до этого тонуло в суете и шуме. Я предложил свою помощь, а она очень внимательно посмотрела мне в глаза, кивнула, и я понес ее покупки к дому.

По дороге мы болтали о погоде, о здоровье, о карантине и растущих ценах на продукты. Оказалось, что Александра Игоревна жила прямо напротив меня, в царской пятиэтажке. Под домом она принялась меня благодарить, а я почувствовал себя очень неловко и покраснел. Я написал на листке бумаги номер домашнего телефона и попросил не стесняясь звонить в следующий раз, когда ей будет что-нибудь нужно – я с радостью схожу в магазин и все куплю, ведь сейчас не лучшее время для посещения публичных мест. Она аккуратно свернула листок, положила его в карман, еще раз поблагодарила меня и исчезла за дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.